

Заключительное слово В.М. Межуева

Хочу рассеять одно недоразумение. Я вовсе не возражаю против того, о чем здесь говорил С. Сулакшин. Просто мы говорим о разных вещах. Степан Степанович, называя все социальные науки, все науки об обществе и человеке гуманитарными, прилагает к ним те же критерии и требования, что и к естественным наукам. Так думают многие, и я не оспариваю права на такое мнение. Конечно, любые науки, если они науки, должны стремиться к расширению нашего знания о мире, должны помогать государству решать встающие перед ним определенные задачи и проблемы. Тут и спора нет.

Вопрос в том, как понимать гуманитарность, в каком смысле гуманитарность совпадает с научностью, что отделяет гуманитарное знание от знания негуманитарного. Вот о чем спор. Можно, конечно, по поводу смысла этого слова заключить между собой какую-то конвенцию, договориться о том, что мы будем понимать под ним. Но как такая конвенция будет соотноситься, например, с традицией считать гуманитариями не только ученых, но и художников? И можно ли искусствоведческое, литературоведческое, историческое, этическое, философское и прочее знание — эталон гуманитарности — превратить в подобие точного или естественнонаучного знания? Не является ли критерием гуманитарности, скорее, прямо противоположный признак — невозможность знания соответствовать канонам точной науки?

Отличие гуманитарного знания от знания негуманитарного можно искать в предмете, в методе, но главное отличие в том, что они по-разному участвуют в образовательном процессе. Человеком могут интересоваться как ученые-естественники, так и гуманитарии, но для первых человек — объект, подлежащий объяснению (наподобие природных объектов), для вторых — субъект, требующий понимания. И в этом вся разница. Объяснение и понимание — разные познавательные процедуры. Улавливаем ли мы в процессе объяснения,

чем один человек отличается от другого, что образует основу его индивидуального существования? Ведь каждый человек хочет быть, прежде всего, самим собой, а точная наука подгоняет его под общие категории и понятия. Экономическая наука интересуется человеком как потребителем, товаропроизводителем, частным собственником, менеджером, наемным работником и пр. Социология изучает человека как члена той или иной социальной группы или института, каждая из них по-своему объективирует человека, упуская из виду только ему присущую субъективность — то, что делает его личностью, непохожей на других. Поэтому Маркс и говорил, что «под видом утверждения человека политическая экономия проводит позицию отрицания человека». А для гуманитария человек — это не просто его профессия, социальный статус, национальность и пр., но в первую очередь его индивидуальность, позволяющая ему быть автономным субъектом. Для образования, ставящего своей задачей не только приобретение профессии, но и воспитание личности, это различие имеет существенное значение. Собственно, образование, так понимаемое, и порождает различие между гуманитарным и негуманитарным знанием.

Отсюда и разное отношение к власти. Ученый способен помогать любой власти, а для гуманитария важно, какая именно власть считается с правом человека быть самим собой. Не всякая власть устраивает гуманитария, есть и такая, которая для него неприемлема, а именно та, которая ограничивает человеческую свободу. В данном случае мы переходим от первого вопроса ко второму — от соотношения естественной и гуманитарной науки в системе образования, к их соотношению в системе власти. В каком смысле гуманитарная наука обслуживает власть, может ли она, в частности, брать на себя функцию идеологии? Этой темы я почти не касался в своем выступлении (в силу ограниченности времени), хотя в тексте доклада об этом кое-что сказано. Будет время, поговорим об этом в следующий раз.